

ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАТЕГОРИИ 混 (HÙN) В РУССКОЙ ВОСТОКОВЕДЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В. В. Климович

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
victoria.klimovich@gmail.com*

Самобытная культура Древнего Китая на протяжении веков привлекала внимание исследователей из различных стран. Многочисленные европейские ученые оставили после себя богатую научную литературу, освещающую разные аспекты духовной жизни традиционного китайского общества. Будучи одной из важных категорий китайской философии, категория хаоса также нашла свое место в исследованиях, посвященных китайской культуре. Данная статья представляет собой обзор российским научным работ, рассматривающих китайскую мифологическую и философскую космогонию. Цель исследования: определить степень разработанности категории хаоса в русскоязычной научной литературе, а также основные подходы, которыми пользовались российские востоковеды для интерпретации данной категории. Исследование позволило определить, какие аспекты категории хаоса остались за рамками внимания современных исследователей и нуждаются в более глубоком рассмотрении.

Ключевые слова: востоковедение; традиционная культура Китая; даосская философия; хаос.

FUNDAMENTAL FEATURE OF SCIENTIFIC INTERPRETATION OF THE CATEGORY 混 (HÙN) IN RUSSIAN ASIAN STUDIES

V. V. Klimovich

*Belarusian State University
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, victoria.klimovich@gmail.com*

The distinctive culture of Ancient China has attracted the attention of researchers from various countries for centuries. Numerous European scholars left rich scientific library, highlighting various aspects of the spiritual life of traditional Chinese society. As one of the important categories of Chinese philosophy, the category of chaos has also found its place in studies on Chinese culture. This article is a review of Russian scientific works dedicated to Chinese mythological and philosophical cosmogony. Purpose of the study: to determine to what extent the category of chaos was investigated in Russian scientific literature, and to figure out the main approaches used by Russian orientalists to interpret this category. The study made it possible

to determine which aspects of the category of chaos remained outside the scope of attention of modern researchers and require deeper consideration.

Key words: oriental studies; traditional culture of China; Taoist philosophy; chaos.

В России процесс формирования китаеведения как академической дисциплины начался в XIX веке. За двести лет были накоплены знания, раскрывающие разные аспекты жизни китайского общества: от истории, до искусства, от наиболее архаических мифологических представлений, до современной политики. Особое место среди этих трудов всегда занимали исследования по мифологии, как попытка проникнуть в «душу» китайского народа, разгадать культурные коды, лежащие в основе китайской цивилизации.

Российские исследователи не могли оставить без внимания космогонические мифы, которые описывают переход от неформленного хаоса (который в китайском языке обозначается как 混 (*hùn*)) к упорядоченному, дифференцированному Космосу, от неявного к явному, хотя этот цикл мифов представлен в китайской традиции весьма фрагментарно. К таким ученым можно отнести В. М. Алексеева, В. В. Евсюкова, Б. Л. Рифтина, Э. М. Яньшину. Однако, стоит отметить, что их исследования не ставят перед собой задачи выделения универсальных космогонических мотивов и строятся вокруг отдельных мифологических персонажей: Паньгу, Фуси, Нюйвы. Такой подход позволил пролить свет на отдельные аспекты категории хаоса, но не восстановить ее целостное понимание, характерное для архаического общества.

Например, Б. Л. Рифтин в своей фундаментальной работе «От мифа к роману» (1979) не рассматривал категорию хаоса как таковую, однако детально описал предков Фуси и Нюйва и героев-усмирителей потопа Гуня и Юя, которые непосредственно связаны с космогоническими, антропологическими и эсхатологическими идеями древних китайцев. Реконструируя наиболее архаичные представления о культуре Нюйва и ее внешнем облике Б. Л. Рифтин указывает на ее связь как хтонического существа с телом змеи с культом плодородия и землей, а также о воплощении в ее облике представлений о матери-прародительнице сущего [1, с. 22].

Подробный и детальный обзор основных китайских мифологических сюжетов сделан в работе Э. М. Яньшиной «Формирование и развитие древнекитайской мифологии» (1984). В данной работе предпринята попытка не просто описать наиболее популярные мифологические сюжеты, но и реконструировать основные этапы развития китайской мифологии: от глубокой архаики к формированию идей, которые затем ля-

гут в основу других форм творческой мысли. Для чего исследователем были отобраны основные мифологические сюжеты: космогонические и эсхатологические, солярные и лунарные мифы, мифы о культурных героях — все они описываются с точки зрения эволюции их персонажей и сюжетов. Подробно рассматривая мифы о Гуне и Юе, Э. М. Яньшина отметила мотив преодоления хаоса, его организации и установления порядка в мифах о потопах, а также характерную для китайской мифологии идею сменяющих друг друга фаз хаоса и порядка в общем космическом цикле [2, с. 158—159]. А рассматривая образы Паньгу и Нюйвы Э. М. Яньшина первой отметила преемственность данных образов, универсальность космогонических идей, которые лежат в мифах о сотворении мира Паньгу и об усмирении потопа Нюйвой, предположив, что миф о Паньгу сложился в период распада матриархального общества, в котором был широко распространен культ матери-прародительницы Нюйва [2, с. 158—159].

В монографии российского исследователя неолитической культуры Китая В. В. Евсюкова «Мифология китайского неолита» (1988) предпринимается попытка определить содержательную сторону изображений на керамике Яншао, с опорой на более позднюю письменную традицию и ответить на вопрос, насколько архаичен китайский космогонический миф о Паньгу.

Анализируя росписи глиняных сосудов культуры Яншао, исследователь приходит к выводу, что несмотря на позднюю запись мифа о Паньгу (III в. н.э.) сюжет о формировании мира как разделения исходного единства появилась раньше, чем записанный миф о Паньгу и, видимо, существовал долгое время в виде устной традиции [3, с. 34]. А сам миф собрал в себе многие идеи, которые уже были знакомы китайской мифологии и даосской натурфилософии.

Таким образом, категория хаоса в первую очередь рассматривается в работах, посвященных китайским мифологическим представлениям о рождении и гибели мироздания, а также о божественных первопредках. Данная категория оказывается тесно связанной не только с космогоническими и эсхатологическими мифами, но и с культом матери-земли. Таким образом, несмотря на то, что в российской традиции не было исследований, посвященных непосредственно категории хаоса, все исследователи отмечали важность категории хаоса в сознании древних китайцев, его связь с образами мировых вод, порождающих и уничтожающих мироздание, а также культом плодородия и мифологическими образами Фуси и Нюйва, равно как и наиболее известным китайским космогоническим мифом о Паньгу.

Идея преемственности между ранними мифологическими представлениями о хаосе и основными категориями раннечжоуской философии рассмотрены в статьях российского исследователя С. И. Блюмхена «Философско-религиозные представления эпохи Чжоу: от тотема к культу Неба» и «Три сюжета о Нюй-ва: новая гипотеза». В частности, последняя посвящена непосредственно космогоническим идеям ранних даосских философов о происхождении Вселенной в результате саморазвития исходного единства, и подчеркивает, что фундаментальное понятие китайской философии — дао — является интерпретацией в эпоху Чжоу образа всепорождающей матери-земли [4].

Философские аспекты категории хаоса были разработаны в российском востоковедении более подробно, особенно в трудах Ф. С. Быкова, Л. С. Васильева, К. И. Гольгина, А. И. Кобзева, И. С. Лисевича, В. В. Малявина, Л. Е. Померанцевой, Б. Л. Рифтина, которые занимались вопросами даосской космогонии. Однако, несмотря на значимость категории хаоса для даосской философии, в существующих исследованиях акцент был сделан на таких даосских категориях, как дао и дэ, политической доктрине, принципе недеяния и т.д., тогда как понятие хаоса рассматривается исключительно как один из аспектов вышеуказанных категорий, атрибут безымянного дао, а не самостоятельное понятие. Наиболее полно категория хаоса раскрыта в работах Е. А. Торчинова и В. В. Малявина, речь о которых пойдет ниже.

Важность категории хаоса для даосской философии подчеркивает и переводчик и исследователь «Чжуан-цзы» В. В. Малявин. Описывая идейное наследие философа, В. В. Малявин нередко отмечает, что мотив всеединства мира является не только важнейшей космогонической идеей, но и служит отправной точкой для всей философской системы, в которой единство выступает не только как исток, но и как высшая природа всех вещей [5, с. 144—145]. В. В. Малявин подчеркивает не только универсальность данного образа для даосской философии в целом, но и делает акцент на специфическом, характерном исключительно для Чжуан-цзы, восприятию процесса космогенеза: с одной стороны, философ воспринимает процесс образования оформленных вещей как естественный, заложенный в самой природе изначального хаоса, с другой стороны, весь трактат пронизан чувством тоски по утраченному состоянию высшей гармонии.

Е. А. Торчинов в своих работах «Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния» и «Даосизм: опыт историко-религиозного описания» стремился охватить всю систему даосской мысли в целом, описать не конкретные этапы ее развития, а

общие идеи и принципы, которые формируют ее костяк и затем находят свое воплощение в работах всех даосских философов от момента формирования даосизма в эпоху Чжоу и до XIX века. Е. А. Торчинов является одним из первых российских исследователей даосизма, который в след за Н. Жирардо отождествляет понятия «хаос» и «безымянное дао» и подчеркивает важность категории хаоса для данного философского направления, отмечая, что данное понятие является одним из ключевых для проникновения в суть даосизма, так как отпечаток идеи о хаосе как о высшем порядке является основой даосского мировоззрения, а установка на хаотичность пронизывает даосизм на всех его уровнях. Именно эта идея делает даосизм сложной для научного изучения и описания философской системой, так как лишает его характерного для прочих школ стремления к стройной упорядоченности и логичности и последовательности доводов [6, с. 5].

Обобщая вышеизложенное, отметим, что многие исследователи признают важность категории хаоса для китайской культуры. Однако специальных работ, детально рассматривающих данную категорию не много. Хотя сама культура Древнего Китая, в частности эпоха Чжоу привлекают внимание исследователей и изучена в достаточной степени, вопросы космогонии и взаимосвязи между мифологическими идеями о происхождении мира и философскими концепциями изучена пока не была. Стоит также оговорить, что более универсальные и смежные с категорией хаоса философские понятия были детально разработаны, равно как и общий культурно-исторический фон эпохи. Таким образом, становится возможным глубокий анализ категории хаоса, во всем многообразии его проявлений, с учетом особенностей развития китайской цивилизации и во взаимосвязи с другими универсальными понятиями китайской культуры.

Если же говорить о специфических методологических аспектах российского востоковедения, то необходимо отметить следующие особенности:

1. Исследования зачастую строят свои работы на основе глубокой проработки письменных памятников, особенно это характерно для исследований по китайской философии.

2. Очень выражен исторический подход к культурным феноменам и исследование как мифологических образов, так и философии в их динамике, что позволяет видеть картину в целом, увязывать социально-политические процессы и культурные феномены. Однако, работы, посвященные, процессу перехода от мифологических образов к абстрактным философским принципам пока единичны. В тоже время, излишняя

структурность делает подход европоцентричным, забывает о том, что мир мифологии так же реален для представителей древних культур, как мир феноменальный.

3. Сравнение с европейской культурой как научный метод почти не представлен, что интересно, в силу того, что данный подход в последние десятилетия является явно доминирующим, как в англоязычных, так и в китайязычных исследованиях эпохи Чжоу.

В силу такого подхода остаются неразрешенными следующие вопросы: 1) Есть ли принципиальные отличия в европейском и китайском подходе к интерпретации категории хаоса или этот мотив является абсолютно универсален для всего человечества? 2) Каким образом происходила эволюция космогонических представлений? 3) Что нового привнесла в мифологические концепции раннефилософская мысль? 4) Как связаны между собой космогонические, этические и социальнополитические идеи?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Яньшина, Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. — М.: Наука, 1984. — 248 с.: ил
2. Рифтин, Б.Л. От мифа к роману. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. — 358 с.
3. Евсюков, В.В. Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры Яншао. — Новосибирск: Наука, 1988. — 128 с.
4. Блюмхен, С. И. Три сюжета о Нюй-ва: новая гипотеза // Китай и окрестности: мифология, фольклор, литература: К 75-летию академика Б.Л. Рифтина / Под ред. И.С. Смирнова. — М.: РГГУ, 2010. — С. 101—120.
5. Малявин, В. В. Чжуан-цзы: [Кит. мыслитель VI—III вв. до н. э.]. — М.: Наука, 1985. — 309 с.
6. Торчинов, Е. А. Даосизм: опыт историко-религиозного описания. — СПб.: Лань, 1998. — 448 с.

ІМПЛІЦЫТНЫЯ СЕМАНТЫЧНА-СІНТАКСІЧНЫЯ СТРУКТУРЫ НА ПРЫКЛАДЗЕ ПОМНІКА «ДЖУАН-ДЗЫ»

М. І. Крыцук

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,

пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, nikita_kritsuk@mail.com

Прапанавана паняцце «глыбіннага перакладу» як перакладчыцкага метада «тэкст сыходнай мовы — мадэль свету сыходнай мовы — агульначалавечы